

АЛЕКС БЭЙЛОР

.Sub ipsum funus

Алекс Бэйлор

Sub Ipsum Funus

<https://litres.ru/74345293>

SelfPub; 2026

Аннотация

Драматург Максим пишет пьесу, от которой зависит вся его карьера. И его жизнь. Постепенно фантазия и реальность сплетаются в единое целое. Максим начинает терять связь с реальностью. На какие жертвы готов пойти творец, чтобы написать шедевр?

Содержание

Предисловие	5
Глава – Что такое реальность?	6
Глава – Последняя песня	8
Глава – Бремя государя	14
Глава – Величайший провал	17
Глава – Sub ipsum funus	19
Глава – А есть ли предел?	21
Глава – И это всё?	22
Глава – Тени наступают	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алекс Бэйлор

Sub Ipsum Funus

Название: Sub ipsum funus

Автор(-ы): Алекс Бэйлор

Предисловие

В сне земном мы тени, тени...

Жизнь — игра теней,

Ряд далеких отражений

Вечно светлых дней.

Владимир Соловьев

«...его «я» изнашивалось, такое бывает,
а другого он не придумал...»

Макс Фриш. «Назову себя Гантенбайн»

Когда я сплю, я не знаю ни страха, ни надежд, ни трудов, ни блаженств. Спасибо тому, кто изобрел сон. Это единые часы, ровняющие пастуха и короля, дураля и мудреца. Одним только плох крепкий сон, говорят, что он смахивает на смерть.

Мигель де Сервантес, «Дон Кихот»

Глава – Что такое реальность?

Я думаю, что умер.

Я сижу в пещере, где никогда не было света. Однажды мне сказали, что за спиной у меня горит огонь, а передо мной – лишь тени. Я поверил. Теперь я рассказываю эту историю другим. Я говорю: «Мы видим только отражения вещей. Истина – где-то там, но мы не можем её познать». Они кивают, но не слушают. Возможно, они притворяются. Возможно, притворяюсь я.

Иногда я выхожу из пещеры. Нет, не так. Иногда я думаю, что выхожу из пещеры. Я представляю, что вижу солнце, но, возможно, это всего лишь новая тень, более сложная иллюзия. Я начинаю рассказывать об этом другим: «Я был снаружи. Там по-другому». Но мне не верят. Они говорят: «Ты всегда был здесь. Мы знаем тебя, Максим». Может быть, они правы. Может быть, я никогда не выходил.

Я придумываю свою историю заново. В этот раз я слеп. Говорю об этом людям, и они верят мне больше. Слепому легче поверить, чем тому, кто утверждает, что видел истину. Я рассказываю им, что мир можно познать на ощупь. Я обманываю их, потому что сам в это не верю. Но когда я слышу свой голос, мне становится спокойнее. Я думаю: если я говорю, значит, существую.

Но однажды кто-то тянет меня за руку. Он говорит: «Вста-

вай». Я не знаю, кто это. Я не знаю, куда он ведет меня. Я не уверен, стою ли я на месте или иду за ним. Я не уверен, существует ли он. Я не уверен, существую ли я.

Я думаю, что был в пещере. Я думаю, что выходил из нее. Я думаю, что слеп. Я думаю, что прозрел. Я думаю, что я умер.

Но что, если я просто тень, которая рассказала тебе свою историю?

Глава – Последняя песня

– Вы обвиняетесь в растрате своего жизненного потенциала. Кроме того, Вы злостно и постоянно нарушали статью 27.1 Уголовного Кодекса Роттерляндии. А именно: Вы никогда ничего не доделывали до конца. Все свои начинания Вы забрасывали на пол пути, так и не достигнув никакого результата.

Судья остановился, обменялся взглядами с прокурором.

– Вам есть что сказать в свое оправдание? – Судья обратился к Максиму Владимировичу.

Мужчина, в свою очередь, лишь сипло рассмеялся.

– А в этом вся суть, – Максим пожал плечами, – лучше не доделать и оставить иллюзию незаконченного шедевра, чем дописать полный бред.

Присяжные ахнули. Все разом. Это были самые страшные слова, которые они слышали.

– Немедленно требую занести эти слова в протокол! – Брызжа слюной, вопил прокурор, – еще год заключения сверху!

– Да хоть десять. – Максим Владимирович демонстративно зевнул.

Обвиняемый скрестил руки на груди, и откинулся на спинку стула.

– Господин судья, – размеренным тоном продолжил Мак-

сим, – знаете ли, я понимаю Вас. Думаю, это приятное чувство – повелевать баранами.

По залу прошелся возмущенный ропот. Одна из присяжных упала в обморок. Судья совсем покраснел.

– Довольно! – Вершитель судеб человеческих грохнул молотком, – прекратите этот маскарад!

– Вы считаете, я похож на клоуна? – Улыбнулся Максим Владимирович.

В ту же секунду мужчина облачился в клоунский костюм. Синие карнавальные штаны, красный атласный пиджак, фиолетовая рубашка с громадными зелеными пуговицами. И, конечно же, желтый галстук в горошек.

– Мне бы хотелось поведать вам историю об одном пианисте, – Максим обвел взглядом присутствующих, – это не займет много времени.

Судья обмакнул вспотевший лоб платком. Трясущимися руками он попытался взять графин с водой, чтобы наполнить опустевший стакан, но эта ноша оказалась для него непосильной.

– Знаете, господин судья, – глаза Максима наполнились слезами, – я устал разочаровываться в жизни.

Он демонстративно закрыл глаза руками, затем вытер нос платком. Сморкнулся.

Присяжные наблюдали за ним с открытыми ртами. Судья сделался совсем пунцовым.

– Но не это сейчас главное, – продолжил Максим, он вдруг

сделался совсем поникшим, – все, что сейчас имеет значение – это история о мальчике...

– Какой еще мальчик?! – Прокурор грохнул кулаком по столу, – Вы же собирались рассказать о пианисте? Господин судья, да сколько можно терпеть этот маскарад...

– Ага, – улыбнулся Максим, – значит, Вы все-таки слушали.. И Вам, смею предположить, понравится история о пианисте...

– А как же мальчик?! – Завопил прокурор, – так мальчик или пианист?!

Максим Владимирович молча смотрел на прокурора. Затем на судью, обвел взглядом присяжных. Тяжко вздохнул. Цокнул языком.

– Жил-был мальчик, – монотонным голосом заговорил он, – весьма очаровательный ребенок по имени Андрей. Учился на одни четверки и пятерки, имел приличные результаты в игре на фортепиано, обладал сильным голосом. Он мог стать великим артистом и певцом. Андрей никогда не разочаровывал своих родителей. И они в ответ одарили ребенка любовью и заботой. Но вот напасть.

Максим стукнул ладонью по столу. И вылупил глаза на одного из присяжных. Тучный мужчина тут же сглотнул слюну, и весь поежился. Его напугал этот взгляд.

– Одним воскресным днем, – продолжил Максим, – Андрей вместе с младшей сестренкой и родителями отправились на концерт в город Тверь. Все прошло просто чудесно.

Андрей сорвал овации, публика была в восторге от его игры. Ничто не предвещало беды. Семья Сорокиных возвращалась на своем Ниссан Патрол обратно домой, в Москву. Время было позднее. И не все участки трассы оказались освещенными. Дело случая. В любой другой день они бы добрались целыми и невредимыми до дома. Но только не в этот раз. Пьяный «Шумахер» на «БМВ» влетел в семейство Сорокиных со скоростью 200 км/ч.

В зале воцарилось гробовое молчание.

– В тот день Андрей потерял и родителей и сестренку, а также свой чудесный голос. Он больше не мог говорить, – лицо Максима было непроницаемым, – и он остался совсем один.

Одна из присяжных, худощавая дама с бородавкой, разрыдалась. Судья полез за платком.

– Андрей Сорокин прожил три года в детдоме. Пока его не забрала семья. Но новые родители не смогли заменить ему старых. Новые папа и мама не были такими же добрыми. Отец-алкоголик часто избивал Андрея, и «новая мама» никак этому не препятствовала. Впрочем, она никогда не поднимала на Андрея руку. Она придерживалась золотого правила невмешательства. Что, на мой взгляд, было еще чудовищнее.

Максим отпил из стакана с водой, прокашлялся.

– Не найдется сигаретки? – Обратился он к судье. Тот ответил лишь молчаливым кивком, мол, в зале заседаний не

положено.

Максим понимающе кивнул. Ну, раз не положено, то и не будем нарушать здешних порядков. Как-никак, а со своим уставом в чужой монастырь не ходят.

– Через год Андрей стал совершеннолетним. Он раз и навсегда распрощался с «новыми родителями». И подался в скитание. Он долго странствовал по городу. Искал себя. Раздавал буклеты у метро. На долго его не хватило. Пытался заработать деньги, работая курьером. И потом поступить на юридический, по стопам его отца. Но слишком быстро понял, что это него. Тогда он вспомнил о том, что лучше всего умел на свете. Петь он больше не мог, но его пальцы были целы. И тогда он собрал все заработанные деньги и потратил их на пианино. Ему хватило на самое простое, без изысков. Но такого пианино было достаточно, чтобы играть.

Андрей Сорокин начал давать концерты. В метро, в переходах, на вокзалах. Везде, где мог. Он притягивал к себе толпы людей. Андрей вновь срывал овации, как тогда, в детстве. Когда еще были живы его родители и сестренка. И он был счастлив. Особенно щедрые прохожие оставляли ему монеты. Этого даже хватало на пропитание и съем комнаты в общежитии. Но так продолжалось недолго. Через пару дней, прямо во время концерта, Андрея Сорокина застрелили. Это был гитарист, играющий на соседней станции метро. Говорят, что конкуренция – двигатель прогресса... Что ж, может и так. Но, возможно, в нашем мире не всегда нужны сопер-

ники. Иные просто хотят зарабатывать свой хлеб без лишних забот. Таким был и этот гитарист, я полагаю.

Худошавая женщина с бородавкой вновь разрыдалась.

– Зачем вы нам это рассказываете? – В один голос проорали судья с прокурором.

С Максима вдруг исчез его клоунский наряд. Теперь он был в смокинге.

Он сидел за огромным роялем. Это была сцена Большого театра.

Максим Владимирович поднес палец ко рту, «мол, тише».

И начал играть.

Но доиграет ли он до конца?

Глава – Бремя государя

Царь Носдора, Максим Владимирович, не спал уже две ночи кряду. Гомон снаружи не стихал ни на минуту. Разъяренная толпа требовала царя выйти к ним. Но Максим Владимирович слишком хорошо понимал, чем это может закончиться. Он не питал надежд насчет своей судьбы - царь знал, что ему осталось недолго.

Но ему есть, что терять.

– Вокруг меня - одни трусы и изменники. Я не могу никому доверять. Чувствую себя покинутым и отринутым. – Прошептал про себя царь.

И посмотрел в дальний конец комнаты. Служанки кое-как пытались развлечь юного царевича. Его сыну, Алексею, было всего три года, но мальчик уже показывал невероятные результаты в различных науках. А лучше всего Алексею Максимовичу давалось фехтование. Мальчик искусно владел мечом. Даже лучше самого царя.

Дочери царя играли в куклы вместе с супругой. Царевна наградила супруга вымученной улыбкой. Она храбрилась, старалась не выказывать страха. Но государь прекрасно понимал, что вся его семья была напугана. Но боялся ли он сам? И если да - чего? Потерять корону, власть, авторитет, все богатства, боялся потерять семью или же... больше всего на свете царь страшился за свою собственную жизнь?

От этих размышлений руки царя затряслись. В последние дни дрожь только усилилась. Настойки лекаря больше не помогали. И Максим Владимирович был убежден, что уже не помогут. Прежде всего - он был болен душой.

Царь прокручивал десятки эпизодов своей жизни. Рождение сына, через год - дочери-близняшки. Первый успешный поход в соседнее государство, и первая выигранная битва. Даже сейчас, спустя долгие годы, царь прекрасно помнил опьяняющее чувство победы. Сраженный враг, сидя на коленях, умолял сохранить жизнь ему и его семье. Но Максим Владимирович был непреклонен. К своим врагам он не знал жалости, как и не отличался щедростью и радушием для своих подданных.

Где же он допустил ключевую ошибку? Почему народ ополчился на него? Разве Первый Помощник не докладывал ему вести о "сытом и довольном народе"? Разве при Максиме Владимировиче народ Носдора не жил счастливее, чем когда-либо? Он построил много университетов, снизил налоги горожан и крестьян, устраивал пышные пиры для бедняков на День Знамения. Так где же он оступился? Где он свернул не туда?

– Ты размяк, царь, – раздался голос позади. От чего Максим даже вздрогнул.

Он обернулся.

Перед ним стоял...

Его двойник.

Тень падала на его лицо, закрывая глаза. Но Максим видел, что его двойник ехидно скалился.

Ему это не нравилось.

– Да, царь, ты стал слишком слабым, – хихикнул двойник, – а народ всегда презирует слабого правителя. И знает, когда нужно ударить, чтобы отобрать власть.

Двойник вышел на свет.

На месте глаз у него зияли две кровавые дыры.

С губ Максима сорвался едва слышный стон.

– И теперь ты лишишься всего.

Двойник пошел прямо на Максима. Коснулся его груди в тот же миг, как в покои царя ворвалась разъяренная вооруженная толпа.

Глава – Величайший провал

Максим брел по мокрым мостовым, сжимая под мышкой тонкую папку с заметками. Ветер гнал клочки афиш, среди которых он различил знакомые имена - те, кто был на вершине. Когда-то давно он и сам жаждал стать одним из них. Или только думал, что хочет того же.

Но как бы то ни было - это был его последний шанс.

Он вошел в полутемное здание театра, где пахло пылью, тяжелыми кулисами и чем-то неизбежным. Максим ощущал на себе небывалую ношу. словно к его ногам привязали огромный валун. Который тянул его назад, не давая и шанса шагнуть вперед. К лучшей жизни.

Художественный руководитель сидел за массивным дубовым столом. Он пил бренди.

– Вам не доверяют ни актеры, ни публика. Вас постоянно громят критики. Вы написали столько пьес, но ни одна из них не выдержала испытания сценой. Почему я должен дать вам ещё одну возможность?

Максим Владимирович ответил не сразу. В его голове смешались голоса персонажей, образы несыгранных спектаклей, слова, которые так и не нашли слушателей. Он наклонился вперёд и прошептал:

– Потому что это будет не просто пьеса. Это будет произведение, которое изменит саму суть театра. Саму реальность.

Руководитель наконец поднял на него глаза.

– Вы знаете, что это ваш последний шанс. – Сказал он. Теперь в его взгляде был неподдельный интерес.

– Я знаю, – ответил Максим. Он даже не узнал свой собственный голос, будто пискнул угодивший в мышеловку грызун.

– У вас месяц. – Он откинулся в кресле. – Если это будет еще один провал, можете считать, что вас никогда не существовало.

Эти слова ударили по нему, словно молот по наковальне.

«Будто и не существовало».

Может, так и есть?

Максим поклонился, забирая свои заметки. Он вышел из кабинета, не слыша, как за его спиной раздались смешки. Затем хлопнули дверью.

Теперь он знал: это будет его величайшее произведение. Или последний провал.

Глава – Sub ipsum funus

Знакомо ли вам чувство истинного наслаждения жизнью? Когда ты не гонишься за призраками прошлого, а просто живешь. Свободно дышишь, не волнуешься о мелочах. Проживаешь каждый день с улыбкой на устах. И не терзаешь себя из-за всякой ерунды. Та самая жизнь, когда тебя не волнует мнение окружающих. Когда ты просто живешь, а не мучаешься, прожигая день за днем. Ты хочешь что-то сделать, жаждешь быть полезным. Но у тебя хватает лишь сил на то, чтобы поесть, поспать, и, быть может, посмотреть сериал. Но в иные дни сил хватает только на сон.

И таких дней становится все больше.

Я давно утратил это чувство. Не помню, когда я в последний раз по-настоящему наслаждался жизнью. В погоне за славой и деньгами я утратил самого себя. Конечно, писательство приносило мне удовольствие. Пожалуй, и по сей день. Это моя истинная стихия. Но я понимал, что мне пора взять творческую паузу. Я был морально и физически истощен. Последние отказы от издательства добились меня.

Я всегда мечтал уйти на пике. Написать свой Магnum Опус, и уйти в закат. Главное - не успеть замарать репутацию. Нужно уйти непобежденным.

Мне нужно было разобраться в самом себе. Все чаще в моем сознании всплывали мысли, а нужно ли мне продол-

жать этим заниматься? Это действительно то, чего я хочу? Или пора все забросить, и идти работать курьером? А что там с моим дипломом юридического? Ах да, он все также пылился на полке.

Но... было одно произведение, которое я должен был завершить. Во что бы то ни стало.

Это была пьеса для театра, с которым я подписал контракт еще в прошлом году. И этот контракт завершался через две недели. Я должен был сдать эту пьесу еще месяцы назад. Однако... что-то постоянно отвлекало меня от работы. Те самые «пустяковые вещички», усложняющие мне жизнь. Но теперь я отринул их в сторону.

Я готов к последнему бою.

Это мой последний шанс прославиться и разбогатеть.

Sub ipsum funus, так называется произведение, стоившее мне рассудка.

Глава – А есть ли предел?

Когда вы делаете мир маленьким и вводите стены, мышинный писк превращается в рев.

Они думали, что это защитит их. Город был построен по строгим расчетам: улицы прямые, здания одинаковые, границы чётко очерчены. Никто не мог войти, никто не мог выйти. Власти уверяли, что это ради безопасности. Ради порядка. Ради блага всех.

Но стены сжимали пространство. Они подавляли воздух, мысли, голоса. Люди сначала говорили шёпотом, потом замолчали вовсе. А потом -закричали.

Сначала это были единичные вспышки. Кто-то выбивал стекло в витринах магазинов, иные писали запрещённые слова на стенах, кто-то шептал по ночам о мире за границей. Потом крики усилились. Шепот перерос в гул. Гул перерос в рев.

Когда они поняли, что стены не защитили их, а превратили в пленников, было поздно. Камень, казавшийся незыблемым, треснул от внутреннего давления. Он больше не мог сдерживать натиска. И когда первая стена пала, из-за неё вырвался звук - не вой ветра, не шум обломков. Это был крик тех, кого слишком долго держали в клетке.

И мир снова стал большим.

Глава – И это всё?

Максим стоял напротив кирпичного двухэтажного дома. Того самого, в котором он провел всё свое детство. С этим местом у юноши было связано очень много светлых воспоминаний. Как он играл с братом и друзьями в футбол, в казаки-разбойники, а после этого, вечером, они сидели у костра, жаря сосиски, и рассказывая друг другу страшные истории. Или как Максим в первый раз поехал на велосипеде и рухнул в куст с крапивой. У него жгло ладони и коленки, но он смеялся, лежа на спине. Ведь он наконец прокатился на своем собственном велосипеде, о чем мечтал долгие годы. И плевать, что он упал. Первый блин всегда комом.

И спустя годы Максим Владимирович вернулся в этот дом. Только теперь он пришёл на свои похороны.

Гостиная потихоньку наполнялась людьми. Здесь была Га-лина Васильевна, первая учительница Макса. В меру стро-гая, но всегда умела найти подход к любому ребенку. Он бу-дет помнить о ней только хорошее. Здесь же стояла Настя, его первая любовь. Разумеется, как это и положено, любовь неразделенная. Впрочем, он забыл о ней еще после началь-ной школы, поэтому и не сильно грустил.

«Зачем ты здесь?» – Хотел спросить Максим, но слова за-

стряли в горле.

Несмотря ни на что... Ему было приятно, что Настя пришла на его похороны.

Комнату постепенно обволакивало густой пеленой тумана.

Каждый шаг давался Максиму всё труднее. Ноги утопали в вязкой невидимой трясине, а тела людей размывались, словно растворяясь в тумане.

В углу стоял брат. Он что-то шептал Вике, пытался ее успокоить. Девушка была во всем черном, по ее щекам текли слезы. Максим вдруг вспомнил детство в деревне. Как они вместе с друзьями и братом играли в «Клад». Команды закапывают по паре вещей в неизвестном месте, и пытаются отыскать их друг у друга. Он помнил свою радость, когда они с братом отыскивали позолоченный значок в виде дракона. В тот день они выиграли. Он будет помнить счастливую улыбку брата вечно.

Теперь этот значок украшал пиджак, который брат надел на похороны Максима.

Максим снова попытался шагнуть вперед, но ноги отказались повиноваться. Он чувствовал, как его сознание вязнет в тумане, как его самого постепенно затягивает в липкую серую мглу.

В его глазах заискрились звезды. Он начал терять зрение. Вдруг дверь скрипнула, и вошел человек в длинном черном пальто. Он выглядел почти так же, как Максим. Почти.

Черты лица были размыты, словно стерты чьей-то грубой рукой. Гость медленно оглядел комнату, задержавшись на брате, на Насте, Вике, на Галине Васильевне и остальных. Его взгляд остановился на Максиме.

– Пора, – Произнес он.

Максим больше не мог видеть. Он уснул долгим сном без сновидений.

Глава – Тени наступают

– Итак, – Доктор Новак оторвал глаза от блокнота, и уставился на меня, – кем вы были прошлой ночью?

Доктору было немногим за пятьдесят, и, несмотря на то, что виски уже подернулись сединой, а в уголках глаз всюду проступали морщины, это был чрезвычайно энергичный человек. Иногда мне даже казалось, что доктор попросту не умеет грустить. Всю свою неиссякаемую энергетику Новак претворял в работу. Во время наших сеансов он постоянно отшучивался, пытался создать как можно более непринужденную приятельскую атмосферу. И порой ему это действительно удавалось. На какое-то время я забывал обо всех тревогах и ночных кошмарах. Но это было лишь временное решение. Каждый раз, погружаясь в таинственное царство сна, они возвращались.

Нет, конечно, не все мои сны являли собой кошмары. Иногда я оказывался в столь дивных местах, о которых не мог и помыслить даже в самых смелых фантазиях. Но кошмары посещали меня гораздо чаще, и я ничего не мог с этим поделать. Я никак это не контролировал. Едва оказавшись во сне, все было настолько реально, что порой мне даже казалось, что я бодрствую. Быть может, так оно...

– Максим Владимирович? – Прервал мои размышления Новак.

– Да, да, прошу прощения, – я выдавил из себя улыбку, и потянулся к кофейному столику за чашкой латте. На какой-то миг я задержал взгляд на сердечке из молочной пенки, и отхлебнул.

Доктор Новак наблюдал за мной с улыбкой на губах. Я сделал еще один глоток, и поставил чашку на место. Собравшись с мыслями, я продолжил:

– Сегодняшний сон не был похож на все предыдущие. Прежде я как будто бы проживал десятки чужих жизней, но на этот раз я... я оказался в крошечной темноте.

Доктор Новак кивнул, перекинул ногу на ногу.

– Все в порядке, Максим, – сказал он таким тоном, будто был моим старым и самым преданным другом. Затем проследил за моей реакцией, и сделал запись в блокнот, – продолжайте.

– Какое-то время я лежал на месте в полном оцепенении, прислушиваясь к любому шороху. Но стояла оглушающая тишина, как будто бы я был в вакууме. Когда я поднялся на ноги, мне пришла ужасающая мысль: что, если я ослеп и оглох или... или даже умер?

Я отхлебнул кофе, и продолжил.

– На какой-то миг у меня даже получилось последовать Вашему совету, доктор. Если бы я поддался панике, то, боюсь, никогда бы не смог выбраться оттуда. И тогда я, наконец, смог взять контроль над собой. Я выставил руки вперед, и сделал первый шаг. Пытался нащупать стену или что-то

вроде того. Не знаю, сколько часов я так блуждал, но мне так и не удалось ни на что наткнуться. Я понимаю, что это был сон, доктор. Но, мне кажется, было в этом что-то еще.

– Что Вы имеете в виду?

Я неуверенно покачал головой.

– В тот миг у меня сложилось впечатление, что в этом месте отсутствовали элементарные понятия о пространстве и времени. Прежде в своих снах все было как будто бы наяву. Но здесь же я не чувствовал ни усталости, ни ощущал запахов и вкусов. Был лишь один сплошной мрак.

Новак продолжал делать записи.

Я провел тыльной стороной ладони по взмокшему лбу и продолжил.

– Шаг за шагом я продвигался вперед. По-прежнему ничего. Я не слышал даже собственного дыхания. В конце концов, я припал на колени, и схватился за лицо. Меня захлестнула волна неопишуемого ужаса и...

Я прервался, покачав головой из стороны в сторону. Залпом допил остатки кофе, и силой поставил чашку на столик. Новак перестал писать, и подался вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.